

Святой праведный старец Феодор Томский

"Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную" (Мф.19:29)

Жизнь святых по своей природе таинственна, но не от того, что в ней что-то нарочито скрыто от глаз непосвященных, а потому что их жизнь особым образом причастна той Великой Тайне, Которая именуется Богом, – и в силу данной причастности – сродна ей. "Все любящие Господа похожи на Господа", – свидетельствует подвижник нашего времени преподобный Силуан Афонский. Эта схожесть – в неисчерпаемости благодатной жизни, изливающейся на мир многогранностью духовных дарований. Тайна внутренней духовной жизни часто проявляется также во внешней таинственности, непонятной для поверхностного взгляда, но открывающейся сердечным очам веры.

Подобной таинственностью овеяна и личность великого сибирского подвижника – святого старца Феодора Томского. Невозможно сегодня с полной уверенностью утверждать, кем был праведный старец до своего появления в Сибири. Верно одно – именно сибирский период его жизни явил нам святость этого человека и даровал крепкого предстателя за нас пред Богом, имя которого – Феодор – и означает "дар Божий".

Первые достоверные известия о жизни старца Феодора относятся к истории его поселения в Сибири. Ранней осенью 1836 г. близ города Красноуфимска Пермской губернии был задержан проезжавший на лошади, запряженной в телегу, неизвестный человек. Странник привлек к себе внимание своей необычной внешностью и необъяснимым поведением. Поражало несоответствие облачавшей его грубой крестьянской одежды и величественной, благообразной наружности, а также изысканности манер, выдававшей в этом человеке знатное происхождение. На все вопросы он отвечал неохотно и уклончиво, чем вызвал еще большее подозрение у крестьян, остановивших его. Ими он и был доставлен без всякого с его стороны сопротивления в город.

На допросе в земском суде незнакомец показал, что он – Феодор Козьмин, 70 лет, неграмотен, исповедания православного греко-российского, холост, не помнящий своего происхождения с младенчества, пропитывался у разных людей, напоследок вознамерился отправиться в Сибирь. Документов, удостоверяющих

личность, при себе он не имел.

Несмотря на крайне сочувственное расположение к нему судей и усиленное увещание открыть свое настоящее имя и звание, и этим спастись от кары, старец упорно продолжал называть себя бродягой. На основании существовавших в то время законов суд приговорил Феодора Козьмича за бродяжничество к наказанию 20-ю ударами плетью и – как неспособного по возрасту к военной службе и тяжелым работам в военной крепости – к ссылке в Сибирь на поселение. Старец Феодор приговором остался доволен.

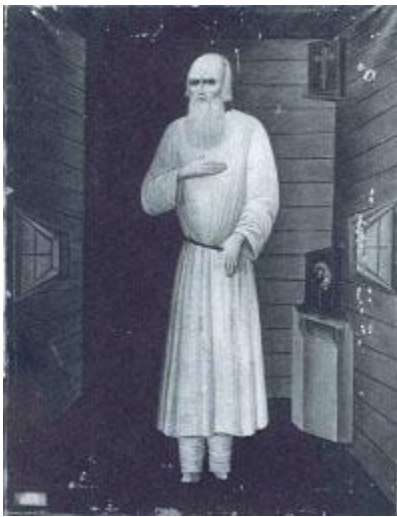
В сентябре 1836г. в арестантской партии под конвоем он был отправлен по этапу в Томскую губернию, где был приписан к деревне Зерцалы Боготольской волости Ачинского уезда, куда и прибыл 26 марта 1837г.

Во время долгого следования этапом по сибирским дорогам, Феодор Козьмич своим поведением, деятельной заботой о слабых и больных арестантах, теплыми, утешительными беседами расположил к себе не только всю партию ссыльных, но и этапных офицеров и конвойных солдат, которые также оказывали ему свое уважение, охраняли от неприятностей и негодных людей, отводили особое помещение на ночлегах. Для него было даже сделано особое исключение из общих правил пересылки ссыльных: Феодор Козьмич не был скован, как прочие арестанты.

Прибыв к месту поселения, старец Феодор был помещен на казенный Краснореченский винокуренный завод, где прожил первые несколько лет, но не участвовал в каких-либо принудительных работах. В дальнейшем, имея неодолимое желание безмолвия и избегая человеческой славы, он часто менял свое место жительства, проживая то в Зерцалах, то в соседних селениях: станице Белоярской, селе Краснореченском, в деревне Коробейниково, всегда избирая по возможности тихое и уединенное место. Последние шесть лет своей жизни старец провел в Томске, куда перебрался, следуя усиленным просьбам горячо его почитавшего томского купца Семена Феофановича Хромова, у которого и поселился, сперва на заимке в окрестностях Томска, а затем и в самом городе.

Подвиг, который воспринял праведный старец, известен с глубокой христианской древности под названием странничества. "Странничество, – учит великий наставник духовной жизни преподобный Иоанн Лествичник, – есть невозвратное оставление всего, что в отечестве сопротивляется нам в стремлении к благочестию". По слову того же святого, подвиг странничества воспринимается с тем намерением, чтобы сделать мысль свою неразлучною с Богом. Всемерно удаляясь от мира и "того, что в мире", старец Феодор вел жизнь суровую, полную самопроизвольных лишений. Жильем ему служил всякий раз небольшой дом, состоящий из тесной келии с маленьким окошком и небольших сеней. Спал старец на голой доске, которую со временем по его просьбе обили грубым холстом. При

этом праведный Феодор, которому шел уже восьмой десяток лет, заметил: "Тяжело телу становится". Подушку заменял деревянный тесаный чурбан. В келии также находились простой стол и несколько скамеек – для посетителей. В переднем углу висели иконы, по стенам – картины с видами святых мест, – подарки многочисленных почитателей. Одежда старца, как и его келия, была чрезвычайно простой. Летом он ходил в белой длинной рубашке из деревенского холста, – которых у него было только две, – подпоясанный тонким ремешком или веревкою, таких же шароварах. Зимой надевал поверх рубахи длинный темно-синий халат или, когда выходил на холод, – старую вылинявшую сибирскую доху. На ногах носил обыкновенные (зимою – толстые) чулки и простые кожаные туфли.

Несмотря на убогую одежду старца, его царственная осанка и удивительная внешность не исчезала за рубищем бедняка-простолюдина. По описаниям архимандритов Томского Богородице-Алексиевского монастыря отцов Виктора (Лебедева) и Лазаря (Генерозова), купца С.Ф.Хромова и других современников св. Феодора, он был статным, высокого роста, с высокими плечами. Внешность имел величественную, лицо замечательно красивое, светлое и всегда чистое (хотя никто никогда не видел, чтобы старец умывался), глаза голубые, волосы на голове кудрявые, бороду длинную, вьющуюся, совершенно седую.

Говорил старец тихо, но внушительно и образно. Иногда он казался строгим, повелительным, но это бывало очень редко. Вообще характер у него был добрый и мягкий, лишь немного вспыльчивый.

Старец отличался большой физической силой, Так он один мог поднять целую копну сена. Вдвоем с проживавшим в Зерцалах отшельником старцем Даниилом (Ачинским), они поднимали при плотницких работах, которыми любил заниматься Даниил, 12-ти вершковые большие бревна.

Поступь старца, его походка и все манеры были как у человека благовоспитанного и образованного. Все это давало возможность видеть в Феодоре Козьмиче человека непростого происхождения, хотя он и старался соблюдать простоту в речах и вообще во всем образе жизни.

Вставал старец очень рано и все свободное время посвящал молитве. Никто, однако, не видел, когда он молился, потому что дверь его келии была постоянно закрыта. Только после смерти обнаружилось, что колени старца были покрыты толстыми мозолями, свидетельствующими о частых и продолжительных

коленопреклонениях во время усердных молитв.

Во время пребывания в селах Белоярском и Краснореченском, Феодор Козьмич регулярно посещал церковную службу, причем всегда становился по правой стороне поближе к двери. В Томске он часто ходил в праздничные дни в домовую церковь архиерейского дома, находившегося в ограде Богородице-Алексиевского монастыря. Томский епископ преосвященный Парфений предложил старцу становиться в моленной комнате епископа рядом с алтарем, но старец Феодор отказался от этой чести, и всегда становился у печи, на одном месте, а когда стал замечать, что на него обращают большое внимание, то совсем перестал ходить в эту церковь. В Томске старец Феодор часто посещал также храм Казанской иконы Пресвятой Богородицы в мужском монастыре и Иверскую часовню. В продолжение всей жизни в Сибири он имел несколько духовников, у которых и бывал на исповеди.

Старец был чрезвычайно воздержан в пище. Его обед состоял обыкновенно из черного хлеба или сухарей, вымоченных в простой воде, для чего в его келии постоянно находился небольшой сосуд из березовой коры и деревянная ложка. Почитатели Феодора Козьмича почти ежедневно приносили ему пищу, а по праздникам буквально заваливали пирогами, лепешками, шаньгами и т.п. Старец охотно принимал все это, но, отведав немного, оставлял, как он выражался "для гостей", и раздавал затем заходившим к нему странникам.

Строго постясь, старец не делал этого напоказ. Однажды одна из его посетительниц принесла ему горячий пирог с нельмой и выразила сомнение, будет ли он его кушать? "Отчего не буду, – возразил ей на это старец, – я вовсе не такой постник, за какого ты принимаешь меня".

Вообще же он не брезговал никакой пищей и приводил обыкновенно выражение из Священного Писания о том, что всякую предлагаемую еду следует принимать с благодарностью, хотя и просил постоянно, чтобы ему не приносили никаких яств, так как он давно отвык от жирной и вкусной пищи. Навещая своих любимцев, старец не отказывался ни от какого угощения, охотно пил чай, но выпивал всегда только два стакана. В тоже время он никогда даже не дотрагивался до вина и строго порицал пьянство.

По большим праздникам, после обедни, Феодор Козьмич заходил обыкновенно к двум старушкам, Марии и Марфе, и пил у них чай. Старушки были сосланы в

Сибирь своими господами за какую-то провинность и пришли в одной партии ссыльных со старцем Феодором. В день Александра Невского в доме готовились пироги и другие деревенские яства. Старец проводил у них все послеобеденное время и вообще весь этот день бывал особенно весел, позволял себе покушать немного более чем обыкновенно, вспоминал о Петербурге, и в этих воспоминаниях проглядывало что-то для него родное и задушевное.

Старец Феодор тщательно скрывал свое происхождение, не называя своих родителей даже высокопоставленным духовным лицам. Он говорил лишь, что Святая Церковь о них молится. О себе старец Феодор открыл часто навещавшему его епископу, Афанасию Иркутскому только то, что имеет на свой подвиг благословение святителя Филарета митрополита Московского.

Некоторые, угадывая, что ранее Феодор Козьмич жил совсем в другой обстановке, спрашивали его, почему он предпочел теперешнюю, полную лишений, жизнь? Старец отвечал так: “Почему вы обыкновенно думаете, что мое положение теперь хуже, чем когда-то прежде? В настоящее время я свободен, независим, а, главное, — покоен. Прежде мое спокойствие и счастье зависело от множества условий: нужно было заботиться о том, чтобы мои близкие пользовались таким же счастьем, как и я, чтобы друзья мои меня не обманывали... Теперь ничего этого нет, кроме того, что всегда останется при мне – кроме слова Бога моего, кроме любви к Спасителю и ближним. Теперь у меня нет никакого горя и разочарований, потому что я не завишу ни от чего земного, ни от чего, что не находится в моей власти. Вы не понимаете, какое счастье в этой свободе духа, в этой неземной радости. Если бы вы вновь вернули меня в прежнее положение и сделали бы меня вновь хранителем земного богатства, тленного и теперь мне вовсе ненужного, тогда бы я был несчастным человеком. Чем более наше тело изнежено и выхолено, тем наш дух становится слабей. Всякая роскошь расслабляет наше тело и ослабляет нашу душу”.

Любовь к Богу, которую стяжал в своем сердце праведный Феодор, не могла не проявиться и в отношении его к людям. У себя в келии старец Феодор принимал всех, приходивших к нему за советом, и редко отказывал кому-нибудь в приеме. Но особенным его расположением пользовались лишь немногие простые и чистые сердцем, люди, у которых старец и поселялся, переходя с места на место. Всякого рода советы давал безвозмездно, денег никогда ни у кого не брал и даже не имел их у себя. Разговаривал с незнакомыми всегда стоя или прохаживаясь взад и вперед по комнате, причем руки обыкновенно держал на бедрах, или засунув одну из них за пояс, а другую положив на грудь..

Со своими посетителями Феодор Козьмич вел себя очень сдержанно, трезвенно, без фамильярности. Не принимал знаков почтения, относящихся к священному сану, – не любил, чтобы ему целовали руки и никого по-иерейски не благословлял. Если же хотел выразить кому-нибудь свое благоволение, то или

трепал любовно мягко по щеке, как это он обыкновенно делал с детьми, с женщинами, или же трижды накрест лобызался, но только с людьми старыми почтенными, а с остальными только кланялся.

Старец никогда не оценивал человека по его чину или званию, а только по его личным качествам и поступкам. В то же время он учил уважать власть: “И царь, и полководцы, и архиереи – такие же люди, как и мы, – говорил он, – только Богу угодно было одних наделить властью великой, а других предназначить жить под их постоянным покровительством”.

Имея жалостливое, любвеобильное сердце, старец когда жил в деревне Зерцалы, расположенной на главном сибирском тракте, каждую субботу выходил за околицу, встречал там партию пересыльных арестантов и щедро наделял их милостыней, употребляя на это все то, что приносили ему его почитатели.

Известно, что через различных странников Феодор Козьмич вел довольно обширную переписку и был в курсе всех основных событий общественной жизни. Случалось, что он помогал тому или иному обратившемуся к нему человеку в решении его житейских проблем, вручая ему в запечатанном конверте письмо к какой-нибудь важной особе, при обязательном условии никому кроме адресата не показывать письма: “А то смотри, пропадешь”. И вмешательство Феодора Козьмича, как говорили, оказывало желанное действие.

Крестьянских детей святой Феодор учил грамоте, знакомил их со Священным Писанием, с географией и историей. Взрослых он увлекал духовными беседами а также занимательными рассказами из событий отечественной истории. Все сведения и поучения, сообщенные им, отличались глубиной и правдивостью, надолго запоминались и вели слушателей к пониманию действия Промысла Божия в судьбах великих и малых явлений человеческой жизни и окружающего мира.

В своих рассказах старец обнаруживал необычайное знание петербургской придворной жизни и этикета, а также событий конца XVIII и начала XIX столетий. Знал всех государственных деятелей и давал им чрезвычайно верные характеристики. С большим благоговением он отзывался о митрополите Филарете и архимандрите Фотии, а также рассказывал об Аракчееве и его деятельности, о военных поселениях, вспоминал о Суворове. Все подобные воспоминания и суждения о людях имели какой-то особенный – беспристрастный и, в то же время, мягкий – характер.

Чаще всего старец Феодор любил говорить о военных походах и сражениях, причем незаметно для себя самого вдавался иногда в такие мелкие подробности, например, в эпизодах войны 1812 года, что этим вызывал недоумение даже у лиц образованных: духовенства, интеллигентных ссыльных.

Про Кутузова говорил, что он был великий полководец, и Александр I завидовал ему.. “Когда французы подходили к Москве, – рассказывал как-то Феодор Козьмич, – император Александр I припал к мощам преподобного Сергия Радонежского и долго со слезами молился этому угоднику. В это время он услышал как бы внутренний голос, который сказал ему: “Иди, Александр, дай полную волю Кутузову, да поможет Бог изгнать из Москвы французов. Как фараон в Чермном море, так и французы на Березовой реке погрязнут...”

Важно отметить, что Феодор Козьмич не упоминал об императоре Павле I и не касался характеристики его сына и наследника – Александра I. Впрочем, однажды, когда речь зашла о трагической кончине императора Павла I, старец сказал своему слушателю, купцу С.Ф.Хромову: “Александр не знал, что дойдут до удушения”. Хромов слышал и другой рассказ от старца. “Когда в России, в особенности в высшем кругу, распространилось увлечение масонскими ложами, то император Александр I созвал во дворце собрание из высокопоставленных особ, и почти все пожелали участвовать в масонской ложе. В это время входит архимандрит Фотий и говорит: “Да заградятся уста нечестивых”. От этих слов все собрание не могло и слова выговорить, так и разошлись, а секта рушилась... Да, Фотий был муж благодатный.”

После получения в Томске известия о злодейском покушении на жизнь императора Александра II, старец Феодор заметил Хромову: “Да, любезный, царская служба не без нужды”. Также говорил: “Романовых дом крепко укоренился и глубок корень его... Милостью Божией глубоко корень его сидит...” Когда пришло известие о кончине императора Николая I, старец отслужил по нему панихиду и долго усердно со слезами молился.

Святому старцу Феодору для пользы ближних был дан от Бога дар прозорливости.

Однажды к праведнику приехал купец Нацвалов. Когда он вошел в келию старца, тот внезапно обратился к нему с вопросом: “Зачем ты взял медные деньги? Они положены не для тебя”. Незадолго перед этим Нацвалов действительно поднял где-то несколько оброненных неизвестно кем медных монет.

Иногда, встречая приезжавших к нему посетителей, старец сразу называл их по именам: “Здравствуй, отец Израиль!”, или: “Здравствуй, отец Иоанн!” – хотя никогда прежде не был с ними знаком и не мог быть извещен об их приезде.

Когда старец жил на Красной Речке, однажды его посетил купец Хромов и его супруга. Перед отъездом Хромов велел жене взять старцу на рубашку хорошего тонкого холста. Но она подумала: “Зачем старцу хороший холст?” И взяла похуже. Когда приехали к старцу, и она стала отдавать ему холст, то он обратился к ней со словами: “Ведь тебе было велено привезти тонкий холст, нужно было исполнить.”

Но, – добавил затем старец Феодор, – для меня, бродяги, и этот очень тонок”.

Другой случай произошел, когда старец жил в селе Белоярском. Феодор Козьмич очень любил свежий мед. И вот, однажды, казак Семен Николаевич Сидоров, у которого старец тогда жил, желая угодить старцу, велел своему брату Матвею Николаевичу купить в Ачинске для старца лучшего меда. Матвей Николаевич очень неохотно исполнил это поручение брата и в душе пожалел денег на мед. Когда мед был принесен к Феодору Козьмичу, то последний высказал все, что думал Матвей Николаевич Сидоров и отказался от меда.

Истинный дар прозорливости (или пророческое служение) всегда имеет своим смыслом нравственное исправление ближних, указание им на те их греховные язвы, которые они либо не видят в себе, либо стыдятся открыть на исповеди.

Во время пребывания старца в Зерцалах, здесь поселился какой-то бродяга, сосланный на жительство. Он пришел однажды к святому Феодору, желая познакомиться с ним. Но старец, у которого в это время было несколько зеркаловских крестьян, беседовавших с ним на духовные темы, как только вошел этот ссыльный, встал и сказал: “Иди, иди отсюда!” Ссыльный изумился, изумились и бывшие в келии Феодора Козьмича крестьяне, не понимая, почему он гонит этого человека, тогда как вообще никому не отказывал в приеме. Но старец тотчас же сказал: “Уходи, уходи... У тебя руки в крови. Свой грех другому отдал...” Ссыльный побледнел как полотно и торопливо вышел из избы, а через несколько дней ушел в Томск, где принес повинную начальству, что он не тот, за которого себя выдавал, что он промышлял разбоем и имеет на совести до десяти убийств. За свои преступления он должен был идти на каторгу, но поменялся именем с одним из сосланных на поселение за бродяжничество.

За свою святую жизнь старец Феодор сподобился приять от Бога еще один дар – дар исцелений. Причем, врачую телесные немощи, святой, как правило, указывал человеку на их истинный, нравственный корень – грех.

Когда старец жил еще в селе Белоярском, местный священник, не видя его у себя на исповеди, первое время относился к нему очень недружелюбно, предостерегая крестьян и советуя им держаться подальше от Феодора Козьмича, который, по мнению священника, был раскольником. Однажды, выведенный из терпения непонятным для него поведением старца, священник назвал его при всем народе безбожником. В тот же день священник этот почувствовал себя очень плохо и к вечеру слег в постель. Приглашенный из Ачинска врач признал его положение безнадежным. Тогда, по совету односельчан,

родственники священника обратилось к Феодору Козьмичу и усердно со слезами, стали просить его простить умирающего и помолиться о нем. Старец, посетив больного, сделал ему строгое внушение, как нужно относиться к людям, которые никому не делают никакого зла, и как осторожно должно делать заключения и высказывать суждения о других. Затем он пообещал, что больной скоро поправится. Через некоторое время священнику действительно стало лучше и он сделался искренним почитателем святого Феодора.

Глубоко чтивший старца купец Семен Феофанович Хромов, у которого праведный старец жил последние шесть лет в Томске, был исцелен по молитвам святого от болезни глаз и до самой старости мог читать без очков.

Блаженная старица Домна Карповна уже после кончины Феодора Козьмича рассказывала о старце Хромову: “Я знаю, что он святой! Когда он жил в келии вашего сада, я была очень больна. Пришедши в ваш сад, осталась на ночь в саду для того, чтобы пойти к старцу и получить от него исцеление. Стала стучать в дверь. Старец отворил, и как только я вступила на порог, он исцелил меня совершенно от болезни. Святой был старичок!”

Необычность жизни сибирского подвижника, загадочность его происхождения в глазах некоторых духовно малоопытных и лично незнакомых со старцем людей иногда являлась поводом к ложному о нем мнению как о сектанте или раскольнике. Но люди, более близко знавшие Феодора Козьмича и среди них известные подвижники благочестия, отзывались о старце как о великом угоднике Божиим.

Епископ Иркутский Афанасий часто посещал старца в Ачинском уезде и иногда по несколько дней жил у него, назидаясь его глубоко поучительными беседами. Встречался со старцем и святитель Иннокентий Московский, просветитель Америки и Дальнего Востока и выказывал ему знаки уважения. Протоиерей Красноярской кладбищенской церкви отец Петр Попов, (в последствии епископ Енисейский Павел), который был постоянным духовником старца Феодора и раза два-три в году заезжал к нему, беседуя с крестьянами, наставлял их относиться к подвижнику с особым уважением, так как это был, по его словам, “великий угодник Божий”.

Замечательно высказывание о праведном Феодоре известного Киево-Печерского подвижника преподобного Парфения. Когда к нему за благословением приехала воспитанница Феодора Козьмича, простая крестьянская девушка, Александра Никифоровна, старец Парфений, узнав, кто ее послал, заметил: “Зачем тебе мое благословение, когда у вас на Красной речке есть великий подвижник и угодник Божий? Он будет столпом от земли до неба.”

В Томске старца Феодора посещали и различные гражданские чиновники, причем вели себя с ним предельно почтительно. Каждый вновь назначенный губернатор считал своим долгом заезжать в келью старца и подолгу наедине с ним

беседовал. Беседы эти касались как вопросов духовной жизни, так и общественного устройства. В проблемах государственной и общественной жизни старец разбирался также хорошо, как и в жизни духовной.

Поистине, Божественная благодать не тщетно пребывала в святом Феодоре, но приносила разнообразные и обильные плоды. “Для всех он сделался всем” (1 Кор. 9: 22), чтобы послужить спасению ближних, в каком бы звании, состоянии, общественном положении и мере духовного возраста они не находились.

Прожив более восьмидесяти лет, праведный старец Феодор приблизился к пределу земной жизни. Для лучшего приготовления к переходу в вечность, Господь послал старцу болезнь, которая с каждым днем усиливалась. Летом 1863г. совсем больной, к величайшему сожалению всей семьи Хромовых он покинул их гостеприимный кров и уехал в Белоярскую станицу, где и прожил некоторое время в своей старой келье у Семена Николаевича Сидорова.

Во время болезни старца Бог утешал Своего угодника благодатными посещениями.

В декабре в Белый Яр приехал Хромов и старец объявил ему, что намеревается вернуться в Томск. Феодор Козьмич в это время был настолько болен, что не мог передвигаться без чужой помощи. Простившись с хозяевами, праведный старец отправился в путь.

Перед рассветом второго дня везшие старца приехали в деревню Турунтаево, в шестидесяти километрах от Томска. Отсюда выехали на восходе солнца. Вдруг, недалеко от Турунтаево, по обеим сторонам дороги показались два ослепительно светлых столба, поднимавшихся от земли до неба. Столбы эти как бы двигались перед повозкой со старцем Феодором до самого Томска и сделались невидимыми только на Воскресенской горе. Причем это знамение видели все, ехавшие с праведником. Дочь Хромова обратилась к старцу: “Батюшка, пред нами идут какие-то столбы”. На это святой тихо промолвил: “О, Пречистый Боже, благодарю...” – и что-то долго шептал про себя.

После прибытия в Томск к старцу Феодору позвали иеромонаха Томского Богородице-Алексиевского монастыря отца Рафаила, который исповедовал больного и причастил Святых Таин.

С начала января 1864г. старец все боле и более слабел. Семья Хромовых очень печалилась, наблюдая страдания старца, и принимала все меры, чтобы облегчить их. Видя их искренние слезы, святой Феодор говорил им: “Не плачьте и не жалеете меня. Страдания и болезни свойственны человеку и не должны быть тягостны христианину, потому что он обязан не только ничем не ублажать своего тела, но и всегда помнить, что оно обречено умереть и предаться тлению. Поэтому

ему нужно спокойно переносить боль и ждать неизбежного конца – смерти”.

19 января было уже ясно, что конец приближается. Вновь прибыл о.Рафаил и приобщил старца Святых Христовых Таин.

Даже на смертном одре старец отказывался назвать свое настоящее имя. Впрочем, сохранился рассказ С.Ф.Хромова об одной из его последних бесед с праведным Феодором.

Накануне кончины святого Хромов пришел в его келью. Помолившись Богу, он встал пред старцем на колени и сказал: “Благослови, батюшка, спросить тебя об одном важном деле”. “Говори. Бог тебя благословит”, – ответил старец. “Есть молва, – продолжал Семен Феофанович, – что ты, батюшка, не кто иной, как Александр Благословенный... Правда ли это?...” Старец, услыша эти слова, стал креститься и говорит: “Чудны дела Твои, Господи... Нет тайны, которая бы не открылась”.

На другой день старец продолжил разговор следующими словами: “Панок, хотя ты знаешь, кто я, но, когда умру, не величь меня, схорони просто”.

С утра 20 января страдания старца усилились. Становилось все яснее, что старец борется со смертью: то ляжет на один бок, то привстанет, то опять повернется на другой бок, постоянно осеняя себя крестным знамением. Незадолго до кончины старцу стало легче, и в 8 ч. 45 мин тихо, мирно, без мучения и стонов он предал Богу свою праведную душу. Правая рука лежала на груди со сложенными для крестного знамения пальцами.

В момент кончины старца соседи Хромова, находившиеся в это время на Верхней Елани, видели, что из дома Хромовых три раза выкидывало громадное пламя. Они думали, что у Хромова пожар, но когда вернулись домой и узнали, что никакого пожара не было, им сразу пришло на ум, не случилось ли что со старцем. В это же самое время зарево над домом Хромова было видно и с пожарной каланчи. Пожарные долго разъезжали, разыскивая место пожара, но ничего не нашли.

Весть о кончине праведника быстро распространилась по всему Томску, и его окрестностям. Множество народа окружило дом Хромова, где скончался любимый томичами и хорошо им известный старец. Все, начиная от местной аристократии и кончая нищими, которых щедро оделял при жизни Феодор Козьмич, спешили

поклониться телу чудного старца.

Отпевание совершил в сослужении духовенства настоятель Богородице-Алексиевского монастыря архимандрит Виктор. На похоронах присутствовали представители томской администрации и масса народа. Погребен старец был, согласно высказанному им при жизни пожеланию, в ограде мужского монастыря, к северо-востоку от главного алтаря монастырского храма. Впоследствии над могилой праведника была воздвигнута часовня, разрушенная после революции, но восстановленная в наши дни.

После смерти Феодора Козьмича его могила и келья сделались местом паломничества множества людей из самых разных слоев общества.

Известно, что в 1891 году во время своего пребывания в Томске могилу старца неофициально посещал будущий император, а тогда цесаревич, святой страстотерпец Николай Александрович. Ранее, в 1873г могилу и келью старца Феодора посетил великий князь Алексей Александрович. Среди прочих посетителей – военный министр А.Н.Куропаткин, министр путей сообщения князь М.И.Хилков, статс-секретарь Куломзин, главнокомандующий русской армией на Дальнем Востоке генерал Линевиц.

Неоднократно могилу праведника посещал глубоко его чтивший член Государственного Совета М.Н.Галкин-Врасский. Он лично прилагал усилия к украшению места погребения Феодора Козьмича. С именем Галкина-Врасского связан и случай избавления от неминуемой смерти заступничеством святого Феодора.

Однажды Галкин-Врасский, возвращаясь из Восточной Сибири, куда он ездил по служебным делам, приехал в Томск и поведал здесь следующее: “Молитвами старца Феодора Козьмича я остался жив. Из Восточной Сибири я намеревался ехать морем и уже отправил все свои вещи на пароходе, но неодолимое желание поклониться старцу Феодору на его могиле побудило меня возвращаться в Петербург сухим путем с тем, чтобы по пути заехать в Томск. И что же случилось? Пароход, на котором я должен был ехать, утонул. Утонули и все мои вещи, на нем находившиеся. Значит, и я подвергся бы такой же участи, если бы не пожелал побывать в Томске и поклониться на могиле старцу Феодору Козьмичу”.

Другой случай благодатной помощи святого праведного Феодора произошел с

крупнейшим исследователем истории царствования Александра I Н.К.Шильдером. “Я страдал долгое время ужасными головными болями, – часто рассказывал Шильдер своим слушателям, – никакие средства не помогали. Однажды вечером я работал над историей Александра. Наконец, от усталости и головных болей я не мог продолжать и решил пройтись. Погода была отчаянная: дождь, слякоть, но меня что-то тянуло непременно пойти. Пошел я к одному знакомому букинисту. Просматривал разные разности. Вдруг он говорит мне: “Не хотите ли купить вот эту рукопись?” Смотрю и едва верю глазам. Это было рукописное “Жизнеописание великого старца Феодора Козьмича”, составленное купцом Хромовым, у которого жил старец. Я эту рукопись давно искал, но все не мог найти. Я тот час же ее купил, и, вернувшись домой, читал рукопись до глубокой ночи, несмотря на ужасную головную боль. “Неужели это правда,” – все думалось мне. С мыслями о Феодоре Козьмиче я лег в постель, и последняя мимолетная мысль моя была: “Если это правда, так вылечи меня от головных болей”. Я заснул и вижу во сне, но так ясно, как наяву, что в комнату входит Феодор Козьмич с большою белою бородою, совсем так, как снят на фотографии, но в шубе и меховой шапке. Он подошел к кровати, на которой я лежал, и протянул руку над моей головой. В это мгновение я проснулся в страшном испуге, отыскивая глазами Феодора Козьмича, до того ясно видел его перед собою. Несмотря на ужасное потрясение, я снова заснул и когда проснулся утром, то к великому моему удивлению заметил, что головная боль прошла совершенно. В этот день я чувствовал такое блаженное состояние, которого не испытывал во всю свою жизнь. Это блаженное состояние, конечно, прошло на другой день, но головные боли уже не возвращались более никогда. Интересно еще то, что когда мне прислали из Томска по моей просьбе фотографии со всех предметов, оставшихся после Феодора Козьмича, то я увидел среди них меховую шапку, сразу напомнившую мне шапку, в которой я видел Феодора Козьмича во сне”.

В Томске совершились многочисленные исцеления больных, которые посещали могилу старца и обращались к святому Феодору с теплой молитвой.

Об одном из таких случаев стало известно настоятелю Томского Богородице-Алексиевского монастыря в предреволюционные годы епископу Мелетию от некоего Ивана Кирилловича Карлова, который в своем письме владыке сообщал: “В 1910 году 25 июля приехал я из Москвы в Томск на службу в Торговый Дом Голованова. 1 сентября того же года я заболел воспалением слепой кишки. Меня лечил доктор Либеров, но лечение шло медленно, то улучшаясь, то ухудшаясь. Наконец доктор предложил мне сделать операцию и удалить отросток слепой кишки. Я согласился, и он дал мне записку к доктору

Зимину, который, осмотрев меня и найдя слабым, велел прийти к нему через неделю, обещая поместить меня в клинику. Приехав домой от доктора, я стал готовиться к операции: начал ходить в мужской монастырь, говеть. 1 октября исповедался, а 2-го приобщился Святых Таин. В ночь на третье число увидел следующий сон: будто бы я прихожу в монастырь и вижу: много народа стоит перед Нерукотворным образом Спасителя; впереди всех стоял старец Федор Кузьмич. Я подошел ближе, старца уже не было. Тогда я спросил, где же этот старец, а мне отвечают: “Он пошел по домам подавать то, о чем кто у него просил”. Я и говорю: “А я пришел к нему попросить, чтобы он за меня помолился, так как мне хотят делать операцию”. Как только я это сказал, входит в храм сам старец и говорит мне: “Иди с Богом, здоровье тебе я уже дал, иди и молись”, – и указал мне рукой на Нерукотворный образ. Проснувшись утром, я почувствовал себя очень хорошо и легко, мне с каждым часом становилось лучше и лучше. В назначенный день для операции я отправился к доктору Зимину, который, когда выслушал меня и осмотрел, спросил у меня: “Когда я нажимаю бока, вам больно?” — я ему отвечаю, что у меня никакой боли не чувствуется; доктор спрашивает: “Когда вы поднимаетесь вверх по лестнице, то вам больно?” Я ему говорю, что по какой угодно лестнице поднимусь, ибо никакой боли не чувствую. Доктор Зимин пожал плечами и сказал: “В таком случае я не нахожу нужным вам делать операцию, вы совершенно здоровы”, — и отпустил меня домой. Я пришел домой, и мы радостные с женой возблагодарили Господа Бога за Его милость. В следующую ночь я вижу сон. Подводят меня к иконам и говорят: “Это келья старца, а это, – указывая на икону Александра Невского, – икона его ангела, а эта икона его брата, – и указали икону великомученика Пантелеимона, так как и ему, старцу, дано от Бога исцелять больных”. Теперь я, благодаря Бога, совершенно здоров”.

В 1926 году, перед расстрелом последних монахов Богородице-Алексиевского монастыря, здесь же заключенных, святой Феодор в продолжение некоторого времени стал являться в парящем полупрозрачном образе. Ясно видимый многочисленными свидетелями, в полночь он выходил сквозь стену часовни и по восточной стене монастыря медленно шел на юг до монашеского кладбища, где исчезал. Святой словно предупреждал заточенных иноков о необходимости готовиться к смерти.

И в наши дни не прекращается подаваться благодатная помощь по молитвам святого угодника Божия праведного Феодора. Особенно явно она проявляется от святых мощей святого Феодора, открыто почивающих в возрождающемся ныне Богородице-Алексиевском монастыре г.Томска. В обители ведется специальная тетрадь для записи случаев благодатной помощи предстательством томского чудотворца. Вот лишь две из них:

“Наш ребенок родился тяжелобольной, – сообщает семья прихожан Троицкого храма г.Томска, – с очень многими болезнями. Основной диагноз – поражение центральной нервной системы, внутричерепное кровоизлияние, судорожный

синдром. 7 месяцев младенец проходил лечение, но уколы (всего около ста), лекарства и специальные противосудорожные порошки не дали явных результатов. Специально назначенный массаж также не улучшил состояния. Все это время ребенок находился под наблюдением врача. Наконец мы решили приложить нашего ребенка к мощам святого Феодора и помазать освященным маслом из горящей перед мощами лампы. Сделав это 28 августа 1995 года, на другой день увидели улучшение. На третий день наш сынок исцелился. Позднее педиатр, массажист и несколько разных врачей заметили у больного исцеление”.

“Это случилось летом 1997 года, – говорится в другой записи. – Мой сын Игорь, военный врач, приехал в отпуск с ожоговой раной на шее, которую излечить никакими средствами не удавалось. В первый же день приезда я предложила ему помазать рану освященным маслом, сохранившимся у меня со времени обретения мощей святого старца. Он охотно согласился. На следующее утро уже сам подошел ко мне и попросил помазать рану еще раз. Я с удивлением обнаружила, что язва затянулась розовой кожей. После повторного помазания никакого следа не осталось в течение очень короткого времени”.

Почитание святого старца Феодора Томского не прекращалось после его блаженной кончины, но с каждым годом ширилось и крепло. Первоначально на могиле старца и в его келье служились регулярные, а со временем и ежедневные панихиды. В день его преставления ежегодно в монастыре совершалось особенно торжественное заупокойное богослужение при большом стечении людей.

В начале XX столетия усердием многочисленных граждан Томска над его могилой была возведена часовня. При монастыре создавался кружок почитателей старца, который собирал все известные о нем материалы и издавал их в печати. На епархиальном совете поднимался вопрос о необходимости тщательного попечения о сохранении и приобретении в церковную собственность вещей, которые сохранились от старца и являлись безгласными свидетелями его святой жизни. Для всех была очевидна святость праведного Феодора и неизбежность его церковного прославления в лике святых.

Однако прославление это в силу известных причин состоялось лишь в 1984 году, когда, по благословению Святейшего Патриарха Пимена, имя праведного Феодора Томского было внесено в состав Собора сибирских святых. 5 июля 1995 года произошло другое замечательное событие – были обретены святые мощи

угодника Божия и помещены в особой деревянной гробнице в храме Томского Богородице-Алексиевского монастыря.

Ежегодно память святого праведного Феодора совершается в обители в день его преставления 2 февраля (20 января по старому стилю) и 5 июля – в день обретения честных его мощей, а также в Соборе сибирских святых 23 июня.

В течение года каждый воскресный день по завершению Вечерни в монастырском храме соборно служитя акафист праведному Феодору Томскому, по окончанию которого священник помазывает богомольцев освященным маслом из лампы, горящей перед гробницей Святого.

Некогда Бог открыл праотцу Аврааму, что мир стоит святостью угодников Божиих, их молитвенным предстательством за людей, селения, города и целые народы. Счастливы мы, что в нашем суровом, далеком от святых мест, краю имеем как бы некий источник произливающихся на нас Божественных милостей — святые мощи праведного Феодора. Они — словно знамение его особенного о нас попечения — являются твердым ограждением от разлитого и бурлящего в мире зла. А пример его праведной жизни пусть послужит если не к возбуждению решимости следовать за ним путем совершенного самоотвержения, то, по крайней мере, к созиданию в нас духа смирения и сокрушения о своих немощах и грехах.